

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Р37

Серия «Эксклюзивная классика»

Erich Maria Remarque
LIEBE DEINEN NÄCHSTEN

Перевод с немецкого Э. Венгеровой

Серийное оформление Е. Фerez

Компьютерный дизайн А. Чаругиной

Печатается с разрешения
The Estate of the Late Paulette Remarque и литературных
агентств Mohrbooks AG Literary Agency и Synopsis.

Ремарк, Эрих Мария.

Р37 Возлюби ближнего своего : [роман] / Эрих Мария Ремарк ; [перевод с немецкого Э. Венгеровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-127485-6

«Возлюби ближнего своего» (1939) — роман о немецких эмигрантах, вынужденных скитаться по предвоенной Европе. Они скрываются, голодают, тайком пересекают границы, многие из их родных и близких в концлагерях. Потеряв родину и привычный уклад жизни, подвергаясь смертельной опасности, герои Ремарка все же находят в себе силы для сострадания и любви.

Впервые роман был издан лишь в 1941 году, сразу после его экранизации.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© The Estate of the Late Paulette Remarque, 1941
© Перевод. Э. Венгерова, 2018
ISBN 978-5-17-127485-6 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Часть первая

I

Керн мгновенно очнулся от тяжелого свинцового сна и прислушался. Как всякий затравленный человек, он был настороже, в напряжении и готов к побегу. Подавшись вперед исхудавшим телом, он сидел неподвижно на постели, обдумывая, как бежать, если лестница уже перекрыта.

Комната находилась на пятом этаже. Одно окно выходило во двор, но не было ни балкона, ни карниза, чтобы добраться до водосточной трубы. Значит, бежать через двор было невозможно. Оставался только путь по коридору на крышу и по крыше — к соседнему дому.

Керн посмотрел на светящийся циферблат своих часов: начало шестого. В комнате было еще темно. Простыни на двух других койках казались серыми. Спавший у стены поляк храпел.

Керн осторожно выскользнул из постели и прокрался к двери. В тот же момент зашевелился мужчина, спавший на койке между Керном и поляком.

— Что там случилось? — прошептал он.

Керн не ответил; он слушал, приложив ухо к двери.

Мужчина приподнялся и начал рыться в вещах, висевших на спинке кровати. Вспыхнул карманный фонарь, и его слабый дрожащий свет выхватил из темноты кусок обшарпанной коричневой двери и фигуру Керна, лохматого, в помятом нижнем белье, подслушивающего у замочной скважины.

— Черт подери, да что там такое? — прошипел мужчина на постели.

Керн выпрямился.

— Не знаю. Я проснулся, потому что услышал что-то.

— Что-то! Что «что-то», болван?

— Что-то внизу. Голоса, шаги, в этом роде...

Мужчина встал и подошел к двери. Карманный фонарь осветил желтоватую рубашку и пару волосатых мускулистых ног. Несколько мгновений он прислушивался.

— Ты давно здесь? — спросил он.

— Два месяца.

— И за это время уже была облава?

Керн покачал головой.

— Ага. Тогда ты, наверное, ослышался.

Он осветил Керну в лицо.

— Н-да. Сколько тебе? Двадцать? Эмигрант?

— Конечно.

— *Jesus Christus, ҫo sie stalo?** — пробормотал неожиданно поляк, спавший у стены.

Мужчина в рубашке направил в угол луч света. Из темноты вынырнули черная щетина бороды, разинутый рот и вытарщенные глаза под кустистыми бровями.

* Иисусе Христе, что случилось? (*польск.*)

— Заткнись ты со своим Христом, — пробурчал мужчина с фонарем. — Его больше нет. Погиб смертью храбрых на Сомме.

— *Co?**

— Ну вот, опять! — Керн бросился к постели. — Они идут снизу. Надо уходить по крышам!

Мужчина с фонарем резко обернулся.

Были слышны голоса и хлопанье дверей.

— Полиция! Полякам выходить! Черт возьми! Выходить!

Он сдернул свои вещи с постели.

— Ты знаешь дорогу? — спросил он Керна.

— Да. Направо, по коридору! До лестницы за умывальником и наверх!

— Ну! — Мужчина в рубаше бесшумно открыл дверь.

— *Matka boska!*** — пробормотал поляк.

— Заткнись. Ни звука.

Мужчина прикрыл дверь. Они бесшумно проскользнули по узкому грязному коридору. Они бежали так тихо, что было слышно, как вода из плохо завинченного крана капает в раковину.

— Сюда! — прошептал Керн, завернул за угол и наткнулся на что-то. Он покачнулся, увидел униформу и бросился назад. В то же мгновение он почувствовал удар в плечо.

— Ни с места. Руки вверх! — скомандовали из темноты.

Керн выронил вещи. Его левая рука онемела от боли, удар пришелся по суставу. Мужчина в рубаше

* Что? (*польск.*)

** Матерь Божья! (*польск.*)

выглядел в эту секунду так, словно собирался броситься в темноту на голос. Потом он увидел дуло револьвера, направленное ему в грудь другим полицейским, и медленно поднял руки.

— Кругом! — скомандовал голос. — Встать к окну! Оба подчинились.

— Посмотри, что у них в карманах, — сказал полицейский с револьвером.

Второй обыскал вещи, лежащие на полу.

— 35 шиллингов... карманный фонарь... трубка... карманный нож... гребень... больше ничего.

— Никаких бумаг?

— Пара писем или что-то вроде.

— Паспортов нет?

— Нет.

— Где ваши паспорта? — спросил полицейский с револьвером.

— У меня нет, — сказал Керн.

— Еще бы! — Полицейский ткнул револьвер в спину мужчины в рубашке. — А ты? Тебя не касается, ублюдох поганый?!

Полицейские переглянулись. Тот, что без револьвера, засмеялся. Другой облизнул губы.

— Ах, какие мы благородные! — сказал он медленно. — Какие сиятельные генералы! Мразь вонючая, бродяга!

Он вдруг размахнулся и ударил мужчину кулаком в челюсть.

— Руки вверх! — зарычал он, когда тот покачнулся.

Мужчина посмотрел на него. Керн никогда еще не видел такого взгляда.

— Я тебе говорю, сволочь! — сказал полицейский. — Скоро ты? Или тебе еще раз прочистить мозги?

— У меня нет паспорта, — сказал мужчина.

— «У меня нет паспорта», — передразнил полицейский. — Конечно, у господина ублюдка нет паспорта. Как и следовало ожидать. Одеваться! Быстро!

Группа полицейских бежала по коридору. Они распахнули дверь. Вошел один с погонями.

— Что там у вас?

— Две пташки. Хотели смыться по крыше.

Офицер посмотрел на задержанных. У него было молодое, худое и бледное лицо. Он носил маленькие холеные усики, и от него пахло туалетной водой. Керн узнал: это был одеколон № 4711. Его отец имел раньше парфюмерную фабрику, поэтому Керн разбирался в таких вещах.

— Этими двумя мы еще займемся, — сказал офицер. — Наручники!

— Венской полиции разрешается совершать избиения во время ареста? — спросил мужчина в рубахе.

Офицер поднял глаза.

— Ваше имя?

— Штайнер. Йозеф Штайнер.

— У него нет паспорта, и он угрожал нам, — сказал полицейский с револьвером.

— Венской полиции разрешается много больше, чем вы думаете, — резко возразил офицер. — Марш вниз!

Оба оделись. Полицейский протянул наручники.

— Подойдите сюда, голубчики. Так, теперь вы выглядите уже лучше. Как на заказ сделано.

Керн почувствовал на суставах холодную сталь. Первый раз в жизни он был закован в кандалы. Стальные браслеты не очень мешали при ходьбе. Но ему казалось, что они сковали не только руки.

На улице было раннее утро. Перед домом стояли две полицейские машины. Штайнер скорчил гримасу:

— Похороны — люкс. Шикарно, малыш, не так ли?

Керн не ответил. Он пытался спрятать наручники под пиджак. Несколько молочников глазели на них с улицы. В домах напротив были открыты окна. В темных отверстиях, как куски теста, белели лица. Какая-то женщина хихикала.

Человек тридцать задержанных были посажены на машины. Это были открытые полицейские грузовики. Большинство влезали в машины без единого слова. Среди задержанных была и владелица дома, толстая светловолосая женщина лет пятидесяти. Она была единственным человеком, который с возмущением протестовал. Несколько месяцев назад она превратила два пустующих этажа своего ветхого дома в пансион, нечто вроде дешевой ночлежки. Скоро стало известно, что там можно переночевать, не прописываясь в полиции. В доме только четыре жильца имели полицейскую прописку: уличный торговец, морильщик мышей и две проститутки. Остальные приходили вечером, когда темнело. Почти все были эмигранты и беженцы из Германии, Польши, России и Италии.

— Быстро, быстро в машину, — говорил офицер домовладелице. — Все это вы объясните в полиции. У вас там будет достаточно времени.

— Я протестую! — кричала женщина.

— Можете протестовать сколько угодно. А пока вы едете с нами.

Двое полицейских подхватили женщину под мышки и подняли на машину. Офицер повернулся к Керну и Штайнеру:

— Теперь эти двое. За ними следить особо.

— Мерсі, — сказал Штайнер и полез в машину. Керн последовал за ним.

Машины тронулись.

— До свидания, — проскрежетал из окон женский голос.

— Убивать надо эту эмигрантскую сволочь, — прорычал вслед какой-то мужчина. — Только жратву зря переводите.

Полицейские машины ехали довольно быстро. Улицы были еще пусты. Небо над домами отодвигалось, светлело, становилось больше, голубее и прозрачнее, а темная масса арестованных в кузове напоминала ивы в осенний дождь. Несколько полицейских ели бутерброды, пили кофе из плоских жестяных фляжек.

Недалеко от Аспернбрюке улицу пересек овощной фургон. Полицейские машины затормозили, потом снова тронулись. В это мгновение один из арестованных вскарабкался на борт второго грузовика и спрыгнул вниз. Он упал наискось, на крыло, запутался в пальто и с сухим треском ударился о булыжник.

— Стоп! Назад! — закричал офицер. — Стрелять, если он побежит!

Грузовик резко затормозил. Полицейские бросились к тому месту, где лежал человек. Шофер оглянулся. Заметив, что человек не бежит, он медленно подал машину назад.

Человек лежал на спине. Он ударился о камни затылком. Он лежал в распахнутом пальто, раскинув руки и ноги, как большая распластанная летучая мышь.

— Поднимите его наверх! — крикнул офицер.

Полицейские нагнулись. Потом один из них выпрямился.

— Он, наверное, что-то себе сломал. Не может встать.

— Прекрасно может. Поднять его!

— Дайте ему хорошего пинка, сразу очухается, — сказал лениво полицейский, который бил Штайнера.

Человек застонал.

— Он действительно не может встать, — сообщил другой полицейский. — И кровь. Разбил голову.

— Черт! — Офицер спрыгнул вниз. — Чтобы никто ни с места! — крикнул он арестованным. — Проклятая банда! Одни только пакости!

Машина стояла теперь совсем рядом с раненым. Сверху Керн мог хорошо его видеть. Он знал его. Это был худой польский еврей с редкой седой бородой. Керн несколько раз ночевал с ним в одной комнате. Он ясно вспомнил, как старик молился по утрам, облачившись в талес, стоя у окна и тихо раскачиваясь всем телом взад и вперед. Он торговал нитками и ремешками, и его уже три раза высылали из Австрии.

— Встать! Ну! — скомандовал офицер. — Зачем вы спрыгнули с грузовика? Совесть нечиста? Воровали или что-нибудь похуже?

Старик пошевелил губами. Его раскрытые глаза были устремлены на офицера.

— Что? — сказал офицер. — Он что-то сказал?

— Он говорит, это от страха, — ответил полицейский, стоявший на коленях.

— От страха? Еще бы! Он, видно, что-то слямзил! Что он говорит?

— Говорит, что ничего не слямзил.

— Все говорят. Что теперь с ним делать? Что у него там?

— Надо вызвать врача, — сказал с грузовика Штайнер.

— Молчать! — озлился офицер. — Какой там врач в такую рань? Нельзя же ему лежать на улице. Потом снова скажут, что это мы его так отделали. Вечно все валят на полицию!

— Его надо в больницу, — сказал Штайнер. — И как можно скорее.

Офицер был сбит с толку. Он видел теперь, что человек тяжело ранен, и забыл, что запретил Штайнеру разговаривать.

— Больница! Они его так просто не возьмут. Для этого нужно направление. Я не могу один дать направление. Я должен сперва доложить.

— Отправьте его в еврейскую больницу, — сказал Штайнер. — Там его возьмут без направления. И даже без денег.

Офицер воззрился на Штайнера.

— Вы откуда знаете?

— Его надо в «скорую помощь», — предложил один из полицейских. — Там всегда есть санитары или врач. Они там посмотрят. А мы отделаемся.

Офицер принял решение.

— Ладно, поднимите его. Заедем в «скорую». Кто-нибудь там с ним останется. Чертово свинство!

Полицейские подняли старика. Он стонал и был очень бледен. Его положили на дно грузовика. Он вздрогнул и раскрыл глаза. Они неестественно блеснули на его обескровленном лице. Офицер кусал губы.

— Что за идиотизм прыгать с грузовика. Такой старый человек. Поехали!

Под головой раненого образовалась кровавая лужа. Узловатые пальцы скребли по деревянному дну грузовика. Губы медленно отклеились от зубов и растянулись в улыбку. Он выглядел так, словно за призрачно затененной маской боли беззвучно и оскорбительно смеялся кто-то другой.

— Что он говорит? — спросил офицер.

Полицейский снова опустился на колени около старика, поддерживая его голову и пытаясь разобрать слова сквозь дребезжание машины.

— Говорит, хотел к детям. Говорит, они теперь с голоду помрут, — доложил он.

— Глупости. Не помрут. Где они?

Полицейский наклонился.

— Не говорит. Говорит, их тогда выселят. У них нет разрешения на жительство.

— Чепуха. Что он сказал?

— Он сказал, чтоб вы ему простили.

— Что? — переспросил удивленно офицер.

— Он просит его простить, что он причинил вам столько хлопот.

— Простить? При чем тут прощение? — Офицер

посмотрел на старика на дне машины и покачал головой.

Грузовик остановился перед пунктом «скорой помощи».

— Давайте его туда! — скомандовал офицер. — Осторожно. Роде, вы останетесь с ним, пока я не позвоню.

Старика подняли. Штайнер нагнулся к нему.

— Мы найдем твоих детей. Мы им поможем, — сказал он. — Слышишь, старина?

Еврей закрыл глаза и снова открыл их. Потом трое полицейских внесли его в дом. Его руки свисали и безжизненно волочились по булыжнику.

Через минуту двое полицейских вернулись и влезли на грузовик.

— Он что-нибудь сказал? — спросил офицер.

— Нет. Он уже совсем позеленел. Если это позвончик, он долго не протянет.

— Одним евреем меньше будет, — сказал полицейский, который бил Штайнера.

— Простить! — пробормотал офицер. — Ну и ну. Смешные люди.

— Особенно в наше время, — сказал Штайнер.

Офицер выпрямился.

— Молчать, большевик! — прорычал он. — Мы из вас вашу спесь выьем!

Арестованных доставили в участок на Элизабет-променаде. Со Штайнера и Керна сняли наручники, потом их посадили вместе с остальными в большую полутемную камеру. Люди сидели молча. Они привыкли ждать. Только толстая блондин-

ка, хозяйка ночлежки, не переставая жаловалась на судьбу.

Около девяти одного за другим стали вызывать наверх. Керна привели в комнату, где находились двое полицейских, писарь в штатском, знакомый офицер и пожилой полицейский комиссар. Комиссар сидел в деревянном кресле и курил сигареты.

— Анкеты, — сказал он человеку за столом.

Писарь был худой прыщавый человек, похожий на селедку.

— Имя? — спросил он неожиданно низким голосом.

— Людвиг Керн.

— Родился?

— Тридцатого ноября тысяча девятьсот четырнадцатого года в Дрездене.

— Значит, немец?

— Нет. Не имею подданства. Выселен.

Комиссар поднял глаза.

— Ведь вам двадцать один? Что же вы натворили?

— Ничего. Мой отец был выслан. Так как я был тогда несовершеннолетний, то и я тоже.

— А почему ваш отец?..

Керн замолчал на мгновение. Год эмиграции научил его следить за каждым своим словом при разговоре с властями.

— На него поступил ложный донос как на политически неблагонадежного, — сказал он наконец.

— Еврей? — спросил писарь.

— По отцу. Мать немка.

— Ага.

Комиссар стряхнул на пол пепел сигареты.

— Почему же вы не остались в Германии?

— У нас отобрали паспорта и выслали. Если бы мы остались, нас бы посадили. А если уж сидеть, то лучше в другой стране, а не в Германии.

Комиссар сухо засмеялся.

— Могу себе представить. Как же вы без паспорта перешли через границу?

— На чешской границе тогда было достаточно простой справки с места жительства. У нас она еще была. С такой бумажкой в Чехословакии можно было жить три дня.

— А потом?

— Мы получили временную прописку. На три месяца. Потом нам снова пришлось уехать.

— Вы уже давно в Австрии?

— Три месяца.

— Почему вы не сообщили в полицию?

— Потому что тогда бы меня выселили.

— Гм. — Комиссар похлопал по ручке кресла. — Откуда вам это известно?

Керн умолчал, что, когда он и его родители в первый раз перешли австрийскую границу, они сразу же сообщили в полицию. В тот же день их отправили обратно.

Перейдя через границу во второй раз, они больше не сообщали об этом в полицию.

— Может быть, это не так? — спросил он.

— Не задавайте вопросов. Ваше дело — отвечать, — грубо оборвал писарь.

— Где теперь ваши родители? — спросил комиссар.